

В.И.Назаров

ОТСТАВНОЙ ДАРВИНИСТ

Жизнь многих советских биологов, оставшихся верными своим научным взглядам после 1948 г., отмечена трагическим единообразием, во всяком случае поначалу. Отстранение от работы, увольнение, если не более суровые кары, поиск заработка, смена профессии и места жительства, долгое и мучительное ожидание перемен к лучшему. Через подобные испытания прошли почти все. Одни не выдержали ожидания и ушли из жизни; другие, которых можно считать счастливыми, дожили до более светлых дней и еще успели сказать свое слово в науке.

Мне бы хотелось рассказать об одном из таких "счастливиц" — Александре Александровиче Парамонове, 100-летие со дня рождения которого недавно отмечалось нашей научной общественностью.

У А.А.Парамонова достаточно громкое имя. Он был одним из самых ярких и талантливых интерпретаторов и пропагандистов дарвинизма в нашей стране и одновременно известным во всем мире фитогельминтологом. Как дарвиниста его постигла участь всех честных биологов: целых 17 лет он был лишен возможности преподавать в вузах и публиковать свои труды по эволюционной теории. Но он дожил до светлого дня, когда злые чары лысенкоизма были разрушены, а преследуемые и гонимые вновь обрели свое доброе имя. Тогда именно его, а не кого-то другого пригласили заведовать кафедрой дарвинизма первого вуза страны — Московского государственного университета, которой до 1948 г. руководил академик И.И.Шмальгаузен. Слушать лекции 75-летнего опального дарвиниста кроме студентов (а на них регулярно присутствовали и пятикурсники, уже изучавшие дарвинизм в лысенковском варианте) приходили чуть ли не все преподаватели биофака и многочисленные сотрудники других учреждений. Всегда до предела забитая Большая биологическая аудитория была для него лучшей наградой за вынужденное долгое молчание. Это было место, где студенты и профессора становились равными: и те и другие превращались в учеников, они как бы принимали таинство очищения и приобщения к истине...

Мне посчастливилось быть непосредственным свидетелем последнего периода жизни А.А.Парамонова. В 1964 г. я поступил в заочную аспирантуру Московского университета по кафедре дарвинизма и начал разрабатывать свою тему с правозащитных позиций мичуринской биологии. Через год на эту кафедру пришел профессор Парамонов, заменивший на посту ее заведующего, лысенкоиста Ф.А. Дворянкина.

Смена начальства для подчиненного всегда событие, а тут не простая смена личностей, но полнейший поворот в мировоззрении, методах, организационных принципах! Пришел убежденный противник всего того, что было до него. Пришел на крыльях всеобщей победы! Стоит ли говорить, с какими смешанными чувствами обостренного любопытства, нетерпения, тревоги и надежды ожидал его появ-

ления маленький коллектив кафедры (вместе с аспирантами на ней работали всего 10 сотрудников), психологически уже подготовленный к неизбежной перемене.

На первом заседании кафедры я не присутствовал. Просто не мог на это решиться, будучи всего лишь аспирантом второго года обучения и к тому же заочником. Но вскоре А.А. сам пригласил меня на заседания и сразу выразил согласие стать моим научным руководителем. Он считал, что аспиранты должны быть в курсе кафедральных дел и принимать непосредственное посильное участие в реализации ее научной программы. Я был на седьмом небе от счастья.

Тогда-то я смог лично понаблюдать, с каким искренним и неподдельным уважением и предупредительностью относились к Парамонову практически все сотрудники, а на лице молодого Алексея Северцова — тогда просто младшего научного сотрудника без степени — светилась радость единомышленника. Скромность и настороженность читались лишь на лицах преподавателей Н.М.Шапочки и В.А.Пронина, за плечами которых был не один год ревностной пропаганды советского творческого дарвинизма. Профессора Ф.А.Дворянкина на заседаниях кафедры я никогда не видел.

С того момента прошло много лет. Но передо мной и сегодня стоит светлый образ моего учителя, звучит его тихий, неторопливый голос.

В этом человеке от рождения все было гармонично, цельно и естественно. Пленительная ясность его ума сочеталась с внешним обаянием. Всегда прямой, подтянутый, по-юношески стройный, он выглядел гораздо моложе своих лет и казался выше ростом. А.А. и вел себя подобающе: например, он любил шагать через две ступеньки. После лекции, если не торопился, то шел пешком до панорамной площади, чтобы ехать домой на 7-м троллейбусе или на катере.

Большие, серые, немного грустные глаза всей своей глубиной смотрели на собеседника, выражая полное внимание и готовность к участию. Этим свойством А.А. разительно отличался от преподавателей молодого поколения и помимо собственной воли обнаруживал принадлежность к старой русской интеллигенции.

Любил и умел А.А. хорошо одеться. На нем чаще всего был однобортный костюм его излюбленного серого цвета, который всегда выглядел, словно только что купленный. Говорил он тихим, вкрадчивым голосом, но в разнообразии интонаций и богатстве их эмоциональной окраски мог бы состязаться с любым профессиональным артистом. В сочетании с самим стилем подачи материала его речь достигала такого же эффекта убеждения, какового иной лектор добивается форсированием голоса и жестом.

В неофициальной обстановке А.А. очень любил пошутить, рассказать старый анекдот. При этом он непринужденно, по-детски смеялся.

Таким же тихим и ровным голосом, словно по писаному, читал А.А. лекции по дарвинизму в Большой биологической аудитории. Строил он их так же, как писал книги: словно все, что он говорил, составляло единую ткань, сотканную из прочных логических нитей. Одна мысль органично вытекала из другой, и этот непрерывный поток мысли овладевал вниманием аудитории с гипнотической силой. С первых минут лекции всем становилось ясно, что они слушают Мастера.

Никакими заметками для памяти А.А. не пользовался. Во время лекции он попеременно то стоял, заложив руки за спину или охватив ими кафедру, словно и ее хотел научить своей науке, то ходил размеренными шагами вдоль подиума.

Дарвинизм был любимым предметом А.А., причем эта любовь пришла к нему, можно сказать, уже в юношеские годы. Проблемами эволюции он стал интересоваться в бытность студентом Московского университета, когда по приглашению своего учителя, профессора зоологии Н.М.Кулагина, в 1921-1923 гг. стал одновременно работать его ассистентом в Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева (ТСХА) и вести практикум по курсу общей зоологии. Затем, уже после окончания университета, А.А. был ассистентом Кулагина на кафедре энтомологии Московского университета (1923-1926). Общение с этим выдающимся ученым, который культивировал в своих учениках разносторонность научных интересов и

стремление к их согласованию с практическими запросами народного хозяйства, явилось важнейшим фактором становления Парамонова как зоолога-эволюциониста.

Второй, еще более значимой школой стала для А.А. работа в Академии коммунистического воспитания им. Н.К.Крупской: в 1927-1932 г. в качестве доцента, а с 1933 г. в качестве профессора. Время упорного труда именно в этом неординарном учебном заведении, где от преподавателя требовалось умение отвечать на любые вопросы воспитанников, позволило А.А. приобрести опыт, необходимый для того, чтобы с 1937 г. начать чтение систематического курса дарвинизма в Сельхозакадемии. К этому моменту он был уже известен как автор серии работ по биологии и промыслу пушных зверей, систематике и эволюции нематод. Таким образом, при решении теоретических вопросов, связанных с разработкой программы по дарвинизму, А.А. мог опираться на собственный многообразный опыт практических исследований в области систематики, экологии и видообразования. В русле тех же интересов протекала деятельность А.А. и в качестве действительного члена Зоологического музея Московского университета (1934-1937).

После смерти Н.М.Кулагина в 1940 г. Парамонов возглавлял его кафедру зоологии в Сельхозакадемии (1941-1948) и наряду с дарвинизмом читал курс зоологии¹. Уже тогда мастерство Парамонова как лектора поставило его в ряд лучших профессоров Академии. Его лекции проходили при переполненной аудитории, на них стекались студенты с других факультетов. Таким образом, научная карьера и характер деятельности А.А. окончательно определились еще в предвоенные годы.

В годы Великой Отечественной войны А.А. оставался на посту зав.кафедрой ТСХА. На этот период, вплоть до 1948 г., приходится публикации его важнейших руководств по дарвинизму². Главное значение из них имело создание капитального "Курса дарвинизма"³ — фактически первого учебника для вузов. Выход в 1945 г. этого труда был крупным событием не только в истории преподавания и пропаганды этой общебиологической дисциплины, но и в разработке самих ее проблем. Поэтому на его характеристике целесообразно остановиться специально.

Принципиально важно отметить, что в "Курсе..." вошли разделы, посвященные законам Менделя и важнейшим открытиям Моргана и его школы (сцепление генов, кроссинговер, перестройки хромосом, дальнейшее развитие теории гена и др.). На его страницах получил объективное отражение вклад в утверждение и развитие дарвинизма русских и советских ученых: братьев Ковалевских, Тимирязева, Мензбира, Северцова, Шмальгаузена. Упоминалось в нем и о работах Мичурина и Лысенко. Кроме того, книга содержала немало оригинальных мыслей и новых фактов, добытых самим Парамоновым в ходе его исследовательской деятельности. В частности, уже здесь он настойчиво проводил идею, которая впоследствии заняла центральное место в его трудах и лекциях по дарвинизму, а именно: что эволюция есть основное условие существования биологических видов и что, следовательно, она представляет собой форму биологической необходимости.

На базе "Курса..." Парамонов подготовил краткий и несколько облегченный учебник дарвинизма для учительских институтов⁴, который вышел в следующем году.

По мере укрепления позиций Т.Д.Лысенко и его единомышленников становилась все более очевидной методологическая несовместимость положений так называемого советского творческого дарвинизма и принципов, которые неустанно пропагандировал Парамонов.

Сейчас, по прошествии сорока с лишним лет после разгрома Лысенко советской биологии, очень трудно восстановить конкретную картину событий, разворачивавшихся в стенах ТСХА накануне августовской сессии ВАСХНИЛ. Все мои попытки разыскать необходимые документы, по которым можно было бы установить, когда, с кем именно и в связи с какими вопросами Парамонову приходилось вступать в борьбу, закончились неудачей. Показательно, что в каталоге Архива ТСХА личное дело профессора А.А.Парамонова значится под номером 1700, но самого дела нет. Мы пытались отыскать дела некоторых других "опальных"

преподавателей и студентов — та же картина. Невольно пришла в голову частая ситуация с лотерейными билетами, когда выигрыш падает именно на тот билет, который отсутствует в имеющейся у тебя серии. Очевидно, чья-то рука, направляемая указаниями свыше, предусмотрительно изъяла эти дела, дабы когда-нибудь не раскрылись неблагоприятные деяния руководства.

К сожалению, большинства людей, которые работали в Академии вместе с А.А. и хорошо его знали, уже нет в живых. Мне довелось встретиться только с двумя очевидцами тех событий: профессором Т.Е.Бурделевым, продолжающим, несмотря на свой почтенный возраст, активную преподавательскую деятельность, и И.И.Соколовской (женой академика ТСХА В.К.Милованова) из Всесоюзного института животноводства. Но оба они мало что смогли добавить к тому, что мне было уже известно. По свидетельству Бурделева, бурные собрания, на которых дебатировались острые проблемы дарвинизма и генетики, время от времени проходили в стенах Академии начиная с 30-х годов, и Парамонов был их деятельным участником. В отличие от коллег и студентов академическое начальство его недолюбливало. Трения между ними особенно усилились, когда ректором Академии стал лысенковец В.С.Немчинов.

В феврале 1948 г. Парамонов принял участие в специальной Всесоюзной научной конференции по проблемам дарвинизма (Москва), на которую съехались представители университетов Москвы, Ленинграда, Харькова, Саратова, Горького, Львова, научно-исследовательских учреждений АН СССР, Академии медицинских наук и Сельхозакадемии. На этой конференции А.А. вместе с академиками В.Н.Сукачевым, И.И.Шмальгаузенем, профессорами Г.Ф.Гаузе, Б.М.Завадовским, К.М.Завадским, М.М.Камшиловым, В.П.Эфроимсоном и многими другими видными учеными отстаивал принципы подлинного дарвинизма (в частности, реальность внутривидовой борьбы за существование). И.И.Шмальгаузен и А.А. Парамонов оценили представления о дарвинизме Т.Д.Лысенко как наивный ламаркизм, стоящий на уровне науки прошлого века.

Б.С.Матвеев вспоминал⁵, что летом того же года, буквально накануне августовской сессии, когда за несогласие с взглядами Лысенко ученых уже снимали с работы, Парамонов выступил в Политехническом музее с публичной лекцией о виде, в которой обосновывал диалектико-материалистические основы дарвинизма и одновременно критиковал соответствующие представления Лысенко.

7 августа 1948 г. закончилась сессия ВАСХНИЛ, а 21 августа приказом министра высшего образования Кафтanova Парамонов был уволен из Академии "по обвинению в вейсманизме-морганизме", как записал А.А. в автобиографии⁶. Этот факт явился для него достаточно неожиданным, как, впрочем, и сама сессия ВАСХНИЛ, которая готовилась втайне.

Многим нашим биологам известен один яркий эпизод, рассказ о котором передавался подобно легенде, от поколения к поколению. В последний день пребывания Парамонова в Сельскохозяйственной академии, когда студенты прощались с любимым профессором, один из них — Сергей Мюге — от лица своих товарищей и от себя лично преподнес ему букет цветов. Этот коллективный акт тут же стал известен академическому начальству, которое не преминуло придать ему политическую окраску. За публичное осуждение административных мер против Парамонова Мюге был исключен из Академии, а по некоторым версиям — арестован. Профессор Бурделев сообщил мне также, что еще один студент, фамилии которого он не помнит, за активную солидарность с Парамоновым и резкие слова по адресу лысенковцев подвергся пятилетнему тюремному заключению. К сожалению, восстановить содержание выступлений студентов сейчас, по-видимому, не представляется возможным. Как сообщил мне зав.кафедрой высших растений МГУ член-корреспондент РАН В.Н.Тихомиров, у него на кафедре хранилась неопубликованная рукопись Жореса Медведева "Биология и культ личности", где был отражен эпизод с Мюге. Но с некоторых пор эта рукопись исчезла.

Мстительность властей, кажется, достигла предела, редкого в истории цивилизованного общества. Уже спустя два десятилетия после описанного события сына С.Г.Мюге из-за отца долгое время не брали на работу. Сам же отец, каким-то чудом защитивший впоследствии диссертацию, эмигрировал в США.

Вскоре на А.А.Парамонова обрушился и второй удар, потребовавший от него большого мужества и даже политической стойкости. В конце 1949 г. в связи с готовившимся ко второму изданию его "Курсом дарвинизма" он был вызван в специальную комиссию при Педагогической академии для беседы. Книга была уже набрана и должна была выйти с грифом этой академии, на что имелась санкция Главлита. Парамонову было предложено пересмотреть методологию учебника и принять биологическую концепцию академика Лысенко. В противном случае выход в свет его учебника не состоится. Парамонов предпочел второй вариант, и набор книги был рассыпан.

Отстранение от преподавания и неудача с книгой подействовали на психику и здоровье А.А. В июне 1950 г. он тяжело заболел на нервной почве (диагноз: анилоспазмы церебральных сосудов), получил инвалидность II группы и вынужден был уволиться из Биологического музея им. К.А.Тимирязева, куда незадолго устроился ради заработка (он проработал в должности зам.директора по науке с февраля по конец августа 1950 г.).

В 1948-1959 гг., если не считать предисловия к русскому изданию книги Дж.Г.Симпсона⁸, не вышло ни одной публикации А.А. Что касается дарвинизма, то в этой области его голос умолк до 1957г.⁹

Биологи, уволенные по обвинению в принадлежности к вейсманизму-морганнизму, оказывались в собственной стране в положении изгоев: им было очень трудно, если не невозможно, устроиться на работу по специальности. Руководители учреждений, нарушавшие негласный запрет на трудоустройство изгнанных из других кафедр и лабораторий, были или очень крупными учеными, авторитет которых позволял им пользоваться известной независимостью, либо людьми, сознательно шедшими на риск. Так или иначе, в конце 1949 г. академик К.И.Скрябин, зная еще довоенные труды А.А. по свободноживущим и паразитическим нематодам, пригласил его на должность лаборанта во Всесоюзный институт гельминтологии, а в 1952 г. А.А. стал научным сотрудником Гельминтологической лаборатории АН СССР, где он работал до конца жизни. Начался новый и в высшей степени плодотворный этап жизни Парамонова, ознаменовавшийся созданием основополагающих трудов по фитогельминтологии и мировым признанием (А.А. лично подготовлены и вышли в свет 4 тома "Основ фитогельминтологии"). Разрабатывая теоретические основы фитогельминтологии, Парамонов подходил к анализу проблем морфологии, систематики, экологии, эволюции и филогении нематод прежде всего как мыслящий дарвинист широкого профиля. Изучение огромного материала по видовым и родовым приспособлениям фитогельминтов к специфическим условиям существования позволило ему выяснить филогению и пути приспособительной эволюции многих систематических групп и в то же время предложить эффективные меры борьбы с их различными видами. Отлично помню, как А.А. говорил мне, что видит свою специфическую задачу как дарвиниста в установлении особенностей действия естественного отбора в каждой таксономической группе. В этом он, собственно, и усматривал главный предмет эволюционного метода познания, недоступный другим биологическим наукам. Им была выдвинута теория, согласно которой фитогельминтов следует рассматривать как одну из форм биоценотического процесса.

Проводя исследовательскую работу огромного масштаба, А.А. успевал заботиться о научной смене (под его руководством было выполнено 28 кандидатских диссертаций, из которых 11 защищены еще при его жизни) и пропагандировать проблемы и достижения фитогельминтологии. Он постоянно выступал с лекциями и докладами перед самыми различными аудиториями. Начиная с 1954 г. А.А. читал курс фитогельминтологии на кафедре зоологии беспозвоночных МГУ.

За многолетнюю научно-педагогическую деятельность Парамонов был награжден орденом Трудового Красного Знамени, за работу в годы Великой Отечественной войны — тремя медалями. В течении последних трех лет жизни А.А., его лаборатория, Президиум АН СССР, ректорат Московского государственного университета, Сельскохозяйственная академия — словом, все учреждения, где он работал, и еще ряд других научных и общественных организаций ходатайствовали перед Верховным Советом РСФСР о присвоении Парамонову почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР, но смерть А.А. в 1970 г. опередила это событие.

Снискав высокий авторитет и признание (теперь уже в области гельминтологии), А.А. оставался очень скромным и доступным человеком, а его жилищные условия были таковы, что он не решался приглашать к себе никого, кроме близких людей. Всю жизнь А.А. прожил на Арбате в коммунальной квартире на первом этаже 2-этажного дома, без ванной, в двух крошечных комнатках и такой же крошечной прихожей, в окружении соседей с неопределенным родом занятий. Когда звонил телефон или раздавался стук во входную дверь (а происходило это достаточно часто, причем посетители приходили в основном к соседям), комната А.А. оглашалась пронзительным лаем любимой Ланы, которая при этом нетерпеливо скреблась в дверь. Если же Лане удавалось открыть дверь, она с шумом устремлялась в общий коридор навстречу возмутителю спокойствия, после чего следовали энергичные окрики жены А.А. Потом на какое-то время воцарялась тишина, с тем чтобы через 10-15 мин все началось сначала.

Лана была беспородной сукой, одной из тех многочисленных бездомных существ, брошенных своими хозяевами или отнятых А.А. у мальчишек-мучителей, которых он по доброте души своей неизменно ташил в дом. Ему всегда везло на встречи с беспомощными птенцами, котятками, покалеченными голубьями, и всех их А.А. помещал в свою рабочую комнату. В пору, когда я был аспирантом А.А. и часто бывал у него на Арбате, там жили кроме Ланы три галки, ворона и два кота. Случалось, между ними происходили ссоры, и тогда жилище А.А. оглашалось громким лаем, карканьем и воем. В таких случаях А.А., для вида вооружившись палкой или плеткой, разводил враждующие стороны по разным комнаткам.

Цельность натуры А.А. проявлялась в его одинаково добром отношении как к животным, так и к людям. Когда после долгого царствования лысенковцев А.А. пришел на кафедру дарвинизма МГУ и стал перестраивать работу, ему нужно было выгнать большинство ее сотрудников. Но он этого не сделал, потому что всегда оставался человеком, и, значит, не мог использовать силу по отношению к тем, кто в данный момент был слабым. Он сохранил на кафедре даже Дворянкина, разрешив ему с сотрудниками по лаборатории заниматься прежними исследованиями. Коллега и соратник Парамонова по кафедре профессор П.В.Матекин, называвший его любя "беспринципным альтруистом", однажды задал А.А. вопрос, как тот поступил бы, увидев человека, возможно преступника, спасающегося бегством от преследования; впустил бы он его в свой дом? "Конечно, впустил бы", — был ответ.

А.А.Парамонов умер 11 июня 1970 г. на 80-м году жизни в больнице от туберкулеза почки (вторая почка была у него удалена раньше), сохранив до последнего дыхания дарованную ему природой ясность ума. Возле него неотлучно находились жена, Мария Игнатьевна, и Петр Владимирович Матекин. Кончина А.А. не была внезапной. Обострение хронической болезни омрачало его жизнь долгие месяцы. Но он находил в себе силы писать очередной том по фитогельминтологии и бывать на кафедре в университете.

Время летит, и никому не дано задержать его или повторить прошлое, как нельзя исполнить музыкальное произведение от конца к началу. Шестидесятые годы, когда люди еще не лишились надежд и были готовы к высокой самоотдаче, уходят все дальше в историю. В дымке, которой их все больше окутывает наше сознание, некогда реальные образы и события понемногу утрачивают четкие

очертания и вместе с тем окрашиваются в романтико-героические тона. Свет и энергия при этом, как и всегда, исходят от ярких личностей. Одной из таких личностей для меня, как и для многих других, был, бесспорно, Александр Александрович Парамонов.

Если кто-либо спросил бы, какие события, связанные с А.А., произвели на меня наибольшее впечатление, то я назвал бы прежде всего его блестящую лекцию в Политическом музее¹⁰, положившую начало последнему могучему подъему его творческих сил. Непривычно битком забытый зал Центральной лектории, напряженная, всепоглощающая тишина аудитории, гром аплодисментов и плотное кольцо радостно возбужденных людей, окруживших А.А. после лекции, прочно врезались в память. Хорошо помню, с каким подъемом и вдохновением набрасывал А.А. глубоко диалектическую картину чудесного преобразования мутаций из фактора разрушающего в фактор созидательный. Он наглядно показывал при этом, что эти чудеса совершаются благодаря рекомбинациям генетического материала при скрещиваниях, отбирающей и накапливающей деятельности естественного отбора. В результате этого процесса "ошибки" в точном воспроизведении наследственности обращались на пользу вида, позволяя ему изменяться сообразно новой обстановке.

Не могу забыть, конечно, и лекции А.А. на биофаке, и не только их содержание, но и то особое внимание, с которым их слушала аудитория. Строить всегда легче, чем перестраивать. А.А. был строителем на пустом месте, потому что умы его слушателей были буквально опустошены бесплодием лысенковской биологии.

В заключение хотелось бы коротко сказать о трудах А.А. последних лет. В условиях вакуума, возникшего в биологии в связи с запретом на генетику и фальсификацией дарвинизма, работы Парамонова, опубликованные вскоре после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. были в числе первых, положивших начало процессу возвращения попорченной науки. Научное сообщество переживало тогда сильный литературный голод; совсем не было книг по генетике и дарвинизму, не испорченному мичуринцами и лысенкоистами. Помню, что появление книжки З.И.Бермана с соавторами воспринималось как большое событие и что ее очень непросто было получить в читальном зале". Для второй книги этого коллективного труда А.А. были подготовлены разделы о путях и закономерностях эволюционного процесса и об управлении этим процессом¹².

Другой наиболее существенный труд А.А. был издан уже посмертно и не скоро. Я имею в виду 2-е издание "Курса дарвинизма", набор которого был в свое время рассыпан. На основе экземпляра его корректуры, сохраненной директором Государственного Дарвиновского музея В.Н.Игнатовой, последних работ А.А. по эволюции, а также необходимых изменений и дополнения, сделанных с учетом современных данных, А.В.Яблоков и В.М.Захаров выпустили в 1978 г. книгу А.А.Парамонова "Дарвинизм", достойно венчающую его творчество. На сегодняшний день она остается в числе учебных пособий для педагогических институтов.

При подготовке настоящей статьи автор пользовался также другими источниками¹³.

Примечания

¹ Параллельно по совместительству А.А.Парамонов в 1943-1946 гг. вел курс на кафедре дарвинизма Московского государственного университета, которой в то время заведовал И.И.Шмальгаузен. А.А. всегда высоко чтит Шмальгаузена и рассматривал его труды как самый выдающийся вклад в развитие дарвинизма. В 1946 г. он с большим сожалением оставил эту кафедру, мотивируя свой уход "основательной загруженностью по своей основной работе в Московской сельскохозяйственной академии" (См.: Арх. МГУ, Ф. № 1, оп. 34 л, ед.хр. № 6810).

² В это время вышли: "Хрестоматия по дарвинизму" (1941, совместно с С.А.Новиковым), главы по дарвинизму в "Общей биологии" (1941), "Методические указания по курсу дарвинизма" (1941), "Дарвинизм: Главы по общей биологии" (1945, под ред. В.А.Дорфмана), "Курс дарвинизма" (1945), 2-е издание "Хрестоматии по дарвинизму" (1945), "Основы дарвинизма" (1946), статья "В защиту дарвинизма в сельскохозяйственных вузах" (см.: Вести, высш.шк. 1946. Вып. 11-12. С.13-15),

"Дарвинизм: Методические указания с кратким изложением курса для заочников пединститутов" (2-е изд., 1947).

³ Курс дарвинизма. М., 1945.

⁴ Основы дарвинизма: Учебник для учительских институтов. М., 1946.

⁵ *Матвеев Б.С.* К 70-летию со дня рождения А.А.Парамонова // *Вопр. фитогельминтологии.* 1961. С.3-29.

Борис Степанович Матвеев (1889-1973) — выдающийся сравнительный анатом, ученик и последователь А.Н.Северцова, старейший профессор кафедры зоологии позвоночных МГУ.

⁶ *Арх. АН СССР, ф.411, оп.58, д. № 1299.*

⁷ По сведениям отдела кадров Биологического музея им.К.А.Тимирязева, А.А.Парамонов вернулся в музей после выздоровления и проработал в должности старшего научного сотрудника-консультанта с 1.06.51 по 1.06.52. Согласно служебным характеристикам о работе в музее, сохранившимся в Архиве АН СССР, А.А.Парамонов якобы активно осуществлял коренную перестройку деятельности музея на основе принципов мичуринской биологии. Личное дело Парамонова, как и дела всех прочих сотрудников, работавших в музее в 1946-1952 г., в архиве отсутствует.

⁸ *Симпсон Дж.Г.* Формы и темпы эволюции. М., 1948.

⁹ В 1957 г. в Москве вышла книга А.Д.Некрасова "Чарлз Дарвин" с вводной статьей А.А.Парамонова, озаглавленной "Основные предпосылки развития дарвинизма". В том же году в "Известиях АН СССР" была опубликована статья А.А. "К методологии теории Чарлза Дарвина" (*Сер. биол. № 3. С.360-368*).

¹⁰ Эта лекция легла в основу брошюры "Современные проблемы эволюционной теории", выпущенной издательством "Знание" в серии "Биология" в 1967 г.

¹¹ *Берман З.И., Завадский К.М., Зеликман А.Л., Парамонов А.А., Полянский Ю.И.* Современные проблемы эволюционной теории. Л., 1967.

¹² *Парамонов А.А.* Пути и закономерности эволюционного процесса: Основные принципы филогенетики // *Современные проблемы эволюционной теории.* Л., 1967. С.342-411.

¹³ Константин Иванович Скрябин: Жизнь и деятельность. М., 1976; Крылов П.С., Шавров Г.Н. Профессор А.А.Парамонов — выдающийся ученый-биолог и фитогельминтолог // *Нематоды растений.* Воронеж, 1972. С.5-8; Скрябин К.И. *Моя жизнь в науке.* М., 1969; Скрябин К.И., Турлыгина Е.С. Профессор А.А.Парамонов как фитогельминтолог // *Вопр. фитогельминтологии.* 1961. С.3-6; Список научных трудов проф. А.А.Парамонова // Там же. С.13-16; Федотов Д.М. Александр Александрович Парамонов (К 70-летию со дня рождения) // Там же. С.7-10; Шмальгаузен О.И. Иван Иванович Шмальгаузен (1884-1963). М., 1988.

Константин Иванович Скрябин (1878-1972) — академик трех советских академий, основатель школы гельминтологов мирового значения, крупный организатор науки.